Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян?

НЕФЕДОВА Т. Г., АВЕРКИЕВА К. В., МАХРОВА А. Г. (РЕД.). МЕЖДУ ДОМОМ И… ДОМОМ: ВОЗВРАТНАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ РОССИИ. М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2016. 504 С. ISBN 978-594881-367-7

Анатолий Бреславский
Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Адрес: ул. Сахьяновой, д. 6, г. Улан-Удэ, Российская Федерация 670047
E-mail: anabreso5@mail.ru

Те, кто занимается изучением внутренних миграций населения в современной России, знают, как сложно дать точные оценки масштабов этих процессов внутри регионов, между регионами, внутри страны. Можно определиться с трендами, направлениями, участниками этих миграций, барьерами, с которыми сталкиваются мигранты, и ресурсами, которые они используют для успешного переезда. Но дать точные оценки масштабов этого явления бывает крайне сложно. И вот мы встречаем книгу, авторы которой уже на одной из первых страниц отмечают, что она помогает понять, сколько же людей в России реально живут в разных местах в разные часы суток, дни недели, сезоны года. Для исследователя этот тезис звучит очень интригующе. Коллективная монография восьми сотрудников Института географии РАН посвящена пространственной (географической) мобильности населения России. В ней подробно анализируются два вида возвратной мобильности: трудовые и сезонные дачные миграции россиян, а также формируемые ими системы расселения (сельско-городские континуумы). Авторы рассматривают предпосылки, направления, масштабы этих миграций, определяют их региональные различия. Исследование касается всей России, но особое внимание уделяется ее центральным и северо-западным областям. Книга обобщает многолетние разработки авторов и обеспечивает комфортное погружение в достаточно обширную междисциплинарную тему. А серия геоинформационных систем в виде карт-схем, наглядно демонстрирующих региональные различия, каналы и зоны миграции, системы расселения, выделяет издание на фоне других индивидуальных и коллективных публикаций социологов и демографов в этой предметной области.

Ключевые слова: мобильность, возвратная пространственная мобильность, трудовая миграция, дачи, отходничество

Авторы книги — К. В. Аверкиева, Е. В. Антонов, П. Л. Кириллов, А. Г. Махрова, А. А. Медведев, А. С. Неретин, Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш — исключительно географы, и это также привлекает внимание, поскольку именно «география все

© Бреславский А. С., 2017
© Центр фундаментальной социологии, 2017
DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-278-295

больше претендует на место главной социальной науки» (Филиппов, 2009: 4). Этот тезис хорошо подтверждают своими исследованиями ведущие российские географы, работающие в области гуманитарной (например, Д. Н. Замятин) и социально-экономической географии (например, Н. В. Зубаревич), которые подчас опережают своих отечественных коллег в постановке общих проблем, их концептуальном осмыслении, разработке методики исследований и пр. Оттого и рецензируемая работа вызывает интерес. В общем, книгу хочется начать читать, уже бегло просмотрев аннотацию и сведения об авторах. Признаюсь, 504 страницы текста не дались легко. Внимательное прочтение, осмысление опубликованных в книге карт-схем, фокус авторов на макрооптике с ее цифрами и расчетами без особых лирических отступлений на микроуровень, где формируется «живая ткань жизни», — все это потребует от читателя собранности и искреннего интереса к теме.

Работа нацелена на изучение двух видов временной возвратной мобильности населения внутри России — трудовой и сезонной дачной миграции. Первая включает в себя маятниковые миграции и отходничество с недельным и более длительным циклом, а вторая — сезонные выезды горожан на свои дачные участки в пределах и за пределами городов. Авторы рассматривают «эволюцию таких миграций, методы их изучения, основные векторы и масштабы перемещения, специфику дальних и ближних мест работы или дачной жизни» (с. 4). Свою задачу они видят «в анализе выталкивающих и притягивающих факторов трудовой миграции, взаимосвязи между главными городами и агломерациями с одной стороны, а с другой — небольшими городами и сельской местностью» (с. 12). В основе книги лежат экспедиционные исследования 2014–2016 годов в Московской, Ленинградской, Тульской, Владимирской, Тверской, Псковской, Новгородской, Костромской, Вологодской, Курской и Тамбовской областях. На юге страны был обследован Ставропольский край, а на востоке — Республика Бурятия. К слову, жителем Бурятии является автор этого обзора. Авторы указывают, что экспедиционные обследования проходили и в Забайкальской области (с. 15), однако далее в книге Забайкальская область и ее столица — Чита нигде не упоминались. Видимо, авторы приберегли материал для других изданий.

Итак, в фокусе внимания авторов — вре́менные возвратные миграции… или все же пространственная мобильность? Сами авторы во Введении, указывая на споры о соотношении терминов «миграция» и «мобильность», избегают какой-либо основательной, а главное — инструментальной рефлексии на этот счет, ограничившись «небольшим опросом коллег» (с. 7). Введение, к сожалению, не подсказывает нам, в какую методологическую колею встраивается работа, какие подходы и традиции в изучении пространственной мобильности она развивает. Отдельные статьи авторов (Нефедова, Покровский, Трейвиш, 2015) последних лет о связи отходничества, дачной миграции с процессами урбанизации и дезурбанизации становятся хорошей подсказкой, однако они, что называется, не «пришиты» к рецензируемой книге.

Во Введении в итоге дается краткое общее определение «мобильности населения», которое, как представляется, так и не проясняет, концептуальное различие между «мобильностью» и «миграцией». Уже на стр. 9, приводя свою классификацию пространственной мобильности населения, авторы подразделяют ее на безвозвратную и возвратную, внутреннюю и внешнюю, отточную и приточную и т. д., что говорит о ней как о миграции или как минимум о процессе, а не о состоянии, как отмечают авторы на стр. 7. Такая неопределенность в терминах сразу же вызывает дополнительные вопросы здесь и далее. Поскольку книга сфокусирована именно на двух видах возвратной миграции (маятниковых и дачных), возможно, именно «миграцию населения» необходимо было поставить во главу угла, избежав тем самым терминологических споров, неопределенности в самих понятиях.

Несмотря на шероховатости с определениями, основное намерение авторов и замысел книги, конечно, понятны. Обратимся к ее содержанию. Работа включает в себя три части. В первой, под названием «Урбанизация, мобильность и сельско-городской континуум», дается общий контекст исследований возвратной мобильности населения. Вторая часть «В город за работой» посвящена трудовой миграции россиян. Третья часть — феномену российских дач.

В главе 1.1 Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш кратко характеризуют «миграционный и поселенческий фон, на котором циркулируют возвратные потоки мигрантов» (с. 21) в России, указывая, почему одни поселения с начала 1990-х годов привлекали мигрантов, а другие, наоборот, выталкивали их за свои границы. Развивая тезис о том, что демографический обмен городов, поселков, сел зависит от урбанизации и дезурбанизации, авторы знакомят нас с достоинствами и недостатками крупных, малых городов и сел, показывают, как распределялись потоки миграции на постоянное место жительства по территории России, вполне обоснованно отмечая их связь с возвратной миграцией (с. 27). В предложенных в главе диаграммах прослеживается динамика миграционного баланса городов 10 макрорегионов России. Эти данные именно в обобщенном виде хорошо иллюстрируют известную вариативность миграционной привлекательности разных регионов нашей страны при так называемом «западном дрейфе» миграции (Мкртчян, 2004). Остается лишь сожалеть, что данные, использованные в диаграммах, ограничиваются 2010 годом, в то время как за последние 5–6 лет численность трудовых мигрантов существенно изменилась, о чем говорится в главе 2.4 (с. 129).

Важным с макропозиции представляется тезис авторов о том, что два феномена, которые их интересуют в книге (отходничество и дачи), по своим масштабам, «по всей видимости, выделяют Россию на мировом фоне и в значительной мере определяют ее социально-пространственную специфику» (с. 38). В отношении дач я бы даже конкретизировал этот тезис словами одного из авторов главы в опубликованной им ранее, в 2014 году статье: «Наше „дачеведение“ до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья» (Трейвиш, 2014: 24). Отмечу, что дачи в России — не только значимый сегмент (второго) жилья, но и ресурс для развора-

чивающейся субурбанизации — выезда горожан из городских центров и освоения ими загородной периферии, в том числе сельских и ранее неосвоенных территорий вблизи городов.

Следующая глава 1.2. «Сельско-городской континуум и пространственная мобильность населения», написанная А. И. Трейвишем, продолжает задавать общий контекст исследования. Автор обращается к категории «сельско-городских континуумов» (СГК), а точнее — к географическим схемам СГК. Сами эти континуумы понимаются им как синоним расселения (с. 41), как «сельско-городские поля», формируемые мигрантами между городами и их менее урбанизированным окружением (с. 13). Надо сказать, этот концепт не особо популярен в России, помимо отдельных представителей социологии расселения (Пациорковский, 2010), он мало кем востребован и по разным причинам. Одна из них — различия между городом и деревней в современном мире и в нашей стране становятся все более многомерными и неочевидными. Бывает не так-то просто выстроить шкалу между «чисто» деревенскими и городскими территориями, отобрать «верные» критерии и собрать точную и качественную статистику. Надо учитывать к тому же, что многие окологородские (пригородные) территории в России, активно развивающиеся в последние два десятилетия, приобретают «смешанный», «смазанный» облик, воплощая в себе черты как городской, так и сельской жизни. Эти территории, которые оказались в состоянии перехода, называют по-разному, например peri-urban fringe (Simon, 2008). И они также усложняют процесс моделирования сельско-городских континуумов.

А. И. Трейвиш демонстрирует несколько географических схем СГК, представляющих пригородно-периферийные зоны в регионах Европейской России, а также типы СГК во всех российских регионах. Карты-схемы, основанные на математических расчетах интегративных показателей, и вообще создание геоинформационных систем (ГИС) на основе подобных расчетов — это то, что действительно хочется видеть у географов в подобного рода исследованиях. В книге таких ГИС достаточно много, а в главе, в частности на стр. 50, опубликована схема, иллюстрирующая типы СГК на территории всей России. Она построена, по словам авторов, на основе сводного показателя — интегрального коэффициента урбанизированности, который рассчитывался по группам данных (размеры и плотность городских и сельских поселений, наличие надгородских форм и пр.). Схема хорошо иллюстрирует зоны расселения, эти самые СГК, дает общее представление в целом по стране. Жаль, однако, что авторы указали лишь наименования показателей, которые использовались в расчетах, а сами данные и расчеты, свои комментарии и уточнения, коррекции и допущения по конкретным регионам в этой схеме не опубликовали в книге (а они наверняка были). Эта информация о проделанной ими работе, очевидно, была бы востребована целевой аудиторией книги. Это было бы полезно еще и для того, чтобы читатель самостоятельно мог найти ответы на вопросы, которые возникают при знакомстве с этой и другими схемами (по конкретным регионам). Вопрос не столько в верификации, сколько в том, чтобы таки-

ми схемами и расчетами могли со ссылкой пользоваться не только авторы книги. Каждое очертание СГК на этой карте-схеме, уверен, было сделано с приложением значительных усилий, поскольку это многофакторное явление. Отсюда еще и интерес к «кухне».

Идея СГК, включающих мегаполисы, крупные и малые города, деревни и т. д., напрямую связана с миграцией населения, движение которого и обозначает границы того или иного СГК, его «пространственно-временную пульсацию» (с. 56). В итоге для авторов именно этот концепт стал рабочим, позволяя обозначить на карте возвратной мобильности россиян зоны, направления, центры притяжения и масштабы трудовой и дачной миграции, а также очаги продолжающейся урбанизации/дезурбанизации. Хотя ни во второй, ни в третьей части книги сам термин «сельско-городской континуум» уже практически не используется, за исключением упоминаний на стр. 70, 374, 378, 383, 438; заключенная в нем идея присутствует во всех исследованиях, составляющих книгу.

Вторая часть монографии («В город за работой») представляет итоги многолетней исследовательской работы коллектива в области трудовой миграции, в том числе маятниковой. Глава 2.1 повествует об эволюции отходничества от дореволюционных к советским и современным формам. Глава емкая и содержательная, она показывает, кто, как и зачем отправлялся из сел в города на заработки, как отходничество влияло на города, как государство влияло на отходничество. Один из ключевых ее тезисов звучит так: «Главное отличие современного отходничества состоит в том, что оно затрагивает не только сельское население, как в начале XX в., но охватывает широкий пласт населения малых, средних и даже некоторых больших городов» (с. 75), что стало следствием повсеместного обвала экономики в стране. Характерным оказалось и расширение зон отхода трудовых мигрантов (с. 266).

Читая эту главу, нельзя не заметить, что советский период в истории российского отходничества существенно «провисает» во внимании со стороны исследователей по отношению к дореволюционному и современному (ориентируюсь на количество работ, которые приводит в своем историческом обзоре Н. Г. Нефедова, говоря о дореволюционном, советском и постсоветском периодах). Притом что отходничество в советский период «не исчезло и не свелось к официальным организованным формам» (с. 74), исследователей еще ожидает серьезная работа в этом поле. Далеко не все ясно и с современным отходничеством, которым занимаются сегодня, помимо авторов книги, и другие известные своими разработками коллективы (например: Плюснин, Позаненко, Жидкевич, 2015; Флоринская и др., 2015).

В изучении потоков внутренней трудовой миграции в современной России и отходников в частности давно существуют вполне определенные проблемы. Они связываются обычно с качеством и точностью официальной статистики у нас в стране, с многообразием регионов, с несовершенством исследовательских методик. Вполне понятны слова Н. Г. Нефедовой о том, что «определение числа современных отходников и тем более реальная география и типология отходничества

требуют сочетания анализа разнообразной официальной статистической информации с детальным обследованием отдельных городов и сельских поселений» (с. 77). И если статистическую информацию можно получить дистанционно (даже из регионов), то вот детальное обследование отдельных территорий для уточнения и понимания статистических данных сложно представить без погружения в исследовательское поле (экспедиций). Это серьезное ограничение и для построения обширных (общероссийских), достоверных карт-схем сельско-городских континуумов, о которых ведут речь авторы.

В главе 2.2 от отходников повествование переходит к социально-экономическим предпосылкам трудовой миграции населения современной России. Опираясь на данные регулярного статистического мониторинга, свои полевые исследования, авторы относят к этим предпосылкам: усиление экономического кризиса в небольших городах и увеличение потребности в занятых в крупных центрах и агломерациях; кризис, закрытие многих сельскохозяйственных предприятий и деградацию социально-экономической среды в периферийных районах сельской местности; переход от «трудодефицитной» модели экономики с большим количеством занятых к «трудоизбыточной»; различия в уровне зарплат в крупных городах, их пригородах и в глубинке; неготовность населения к малому бизнесу как альтернативе крупным предприятиям в кризисных районах. Отходничество действительно стало одной из ведущих альтернатив трудоустройства и жизнеустройства в целом для нескольких миллионов россиян в последние 15—20 лет, его относительная стихийность оказалась продиктована рынком труда, но не только им, а также социально-бытовой необустроенностью мест исхода, отсутствием в них широких возможностей для профессионального роста, для отдыха. Социально-экономическая поляризация регионов усиливается, крупные центры растут, а мелкие — убывают. При этом точных данных об этом мы не имеем.

Решению проблемы бедности и некачественности российской статистики в области возвратных миграций давно служат инициативные социологические исследования, которые с разной степенью успешности эту задачу решают. Авторы рецензируемой книги представляют нам еще один метод — изучение потоков пассажирского транспорта. Этому посвящена глава 2.3. «Транспорт как предпосылка и индикатор возвратной мобильности населения». Автор главы — А. С. Неретин критично оценивает познавательные возможности данного метода, подспудно выявляя его слабые стороны и ограничения. Все указанное им — справедливо и понятно. Он делает вывод: «Большинство мигрантов совершает поездки на тех видах транспорта, где оценить пассажиропотоки максимально сложно, — это личный автомобильный, пригородный автобусный и пригородный железнодорожный. Без активной позиции самих перевозчиков по необходимости качественного учета перевезенных пассажиров будет невозможно решить проблему оценки пассажиропотоков мигрантов» (с. 107). И вновь мы сталкиваемся с трудноразрешимой проблемой, как и в случае с некачественной официальной статистикой, о чем говорили выше. Как же трудно оставаться оптимистом в этом предметном поле! Но

инструментальные возможности в понимании потенциала возвратной миграции этот метод все же предоставляет. Анализируя сами транспортные сети, соединяющие населенные пункты Центральной России (их развитость, комфортность и удобство для пассажиров, стоимость проезда и пр.), автор показывает, как они влияют на ареалы возвратной миграции, на частоту и доступность передвижений, в том числе и для отходников.

В следующей главе 2.4 К. В. Аверкиева и Е. В. Антонов продолжают раскрывать методические сложности изучения современных возвратных трудовых миграций: оценивают качество и применимость основных источников статистической информации, характеризуют возможные стратегии в организации методики полевого исследования на региональном и локальном уровнях. Многообразие методов сбора информации на локальном уровне (поквартирный обход, опросы, анкетирование, экспертные интервью, балансовые методы, похозяйственные книги, мониторинги, паспорта поселений) не всегда является гарантом успешности исследований, о чем говорят и сами авторы, отмечая, что «результаты (исследований) сильно зависят от квалификации и заинтересованности глав сельских поселений и сотрудников их администраций, а также от квалификации исследователей» (с. 138).

В области методики исследования книгу отличает честный подход к читателю: авторы постоянно делают оговорки, поправки относительно своих расчетов, источниковой базы, методов исследования, указывая, что одни из расчетов ближе к реальности, а другие — более грубые, приблизительные. Эти оговорки будут понятны специалистам, а для начинающих разбираться в этом предметном поле — станут важным ресурсом в его освоении. С важных оговорок начинается и глава 2.5, дающая широкое представление о векторах трудовых миграций в современной России. Вновь мы видим карты-схемы региональных различий, которые так интересуют географов и за которыми, очевидно, стоит кропотливая работа авторского коллектива и конкретно автора главы — Т. Г. Нефедовой. Ее основные тезисы подтверждают уже сложившиеся в России тенденции: притяжение населения к Москве (более подробно в главе 2.8) и Санкт-Петербургу, региональные проблемы миграционного дисбаланса, непривлекательность сельской местности для миграций на постоянное место жительства и для отходников, общая привлекательность столичных городов и крупных городов в целом, наличие различий в географических векторах движения иностранных и внутренних мигрантов.

С помощью карт и расчетов данных Всероссийской переписи населения 2010 года по муниципальным районам и городам в главе 2.6 Е. В. Антонов расширяет и углубляет многообразную картину российской внутрирегиональной и межрегиональной трудовой мобильности, которую он оценивает через долю занятого населения, работающего за пределами своего населенного пункта (с. 175). Карты-схемы, иллюстрирующие масштабы этих миграций в России на муниципальном уровне, дают ответ и на вопрос о том, как позиция того или иного муниципального образования влияет на маятниковые трудовые миграции в окружающем его регионе. Работа с картами сразу же рождает разного рода рабочие гипотезы как в

целом по стране, так и в отдельных регионах. Получился действительно важный визуальный источник для понимания сущностных черт и особенностей внутренней миграции в России. За это читатели, я думаю, будут благодарны авторам. Социологам и демографам остается сокрушаться лишь об одном — данные переписи 2010 года с каждым годом становятся все более историческим, а не актуальным социологическим источником.

Продолжая свой анализ, Е. В. Антонов уже в следующей главе обращается к данным по трудовой мобильности в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Если о европейской части России к этому моменту авторы уже высказывались достаточно часто, опираясь в том числе на свои собственные обследования, то восточных регионов страны в ходе знакомства с материалами главы ощутимо не хватало. Пусть эта глава и не является большой по объему (13 страниц), она становится важным компонентом всей книги, претендующей на понимание феномена возвратной миграции по России в целом. Привлекая данные Всероссийской переписи населения 2010 и другие источники, автор отмечает, что в городах и селах Урала, Сибири и Дальнего Востока трудовая мобильность населения существенно ниже, чем в европейской части РФ в силу более разреженной сети городов при слабой транспортной инфраструктуре. Это объясняет и то, почему трудовые миграции в основном сконцентрированы вокруг крупных городских агломераций, а от потери населения страдают в основном села и малые города.

Необходимой с точки зрения понимания выталкивающих причин трудовой миграции стала глава 2.9, в которой К. В. Аверкиева сравнивает рынки труда в сельской местности Нечерноземья и Черноземья. Она показывает, что, несмотря на довольно широкий набор вариантов занятости для сельских жителей, количество рабочих мест здесь постоянно сокращается. Это происходит в связи с модернизацией одних производств и угасанием других. Оптимизация государственных учреждений сокращает количество бюджетных мест, что подталкивает сельчан к маятниковой миграции и отходничеству. Тему развивает в заключительной главе второй части книги Т. Г. Нефедова, показывая причины распространения отходничества в относительно благополучных районах Ставропольского края.

Перейдем к третьей части книги. Она полностью посвящена дачам и дачникам. Ее содержательная целостность позволила бы ей стать отдельной книгой, но и как компонент рецензируемого издания она выглядит органично. В первой главе А. И. Трейвиш сразу же дает следующий ответ на вопрос о том, кто такие дачники в понимании авторов: «городской владелец и (или) пользователь загородной, временно (например, сезонно) посещаемой недвижимости (дома, участка), используемой не только как жилье и не только (не столько) для извлечения дохода» (с. 283). Далее рассматриваются основные причины-ценности, по которым люди заводят дачи, — «философия» дачной жизни. Ощущается, что поэтика и романтика дачной жизни, о которых пишет автор, близки и ему самому.

Любопытна небольшая статистика «дачеведения» по регионам мира и международный историографический анализ «дачеведения» в главе, особенно в связи

с тем, что по феномену отходничества такого рода работу авторы не проводили. Основной вывод: публикаций о дачах за рубежом — «не густо», а у нас их количество «до сих пор неадекватно масштабам дачевладения» (с. 292–293). «Гигантское количество дач» России слабо учитывается в официальной статистике, и это действительно серьезное ограничение для оценки и понимания роли дач в развитии современных городских и сельских территорий России (рынка второго жилья, перспектив субурбанизации). А ведь, допустим, городские дачи в последние два десятилетия стали значимым и повсеместным ресурсом и каналом субурбанизации (переезда горожан в пригороды) и продолжающейся урбанизации в большинстве крупных городов России. С одной стороны, сами горожане-владельцы городских и пригородных дачных участков стали массово переобустраивать их под круглогодичное проживание, выезжая за пределы центральных городских кварталов, а с другой — сельские мигранты, которые по общероссийской тенденции стягивались в города, увидели в городских дачах возможность обрести относительно недорогой участок и жилье, пусть и не в городском центре, но вблизи него. Сущность и функции дач в результате их переобустройства под круглогодичное, а не только сезонное проживание серьезно меняются. Ведь в тот момент, когда дача становится главным домом, в котором его хозяева проживают большую часть года, она перестает быть дачей (вторым жильем).

Подступая к этим вопросам, авторы дают общий экскурс в историю российских дач, их прототипов, представляют типологию российских дач (глава 3.2, Т. Г. Нефедова). Речь идет о классических деревянных двухэтажных дачах, домах в садоводческих товариществах (садах), сельских домах, унаследованных или купленных горожанами в деревне (иногда в малом городе), и особняках (коттеджах) (с. 306). Здесь же мы узнаем о количестве домов в садоводческих товариществах в разные десятилетия после 1950-х годов, однако автор, к сожалению, не указывает здесь источники своих данных (с. 306–307). При этом по «классическим» дачам и сельским домам, коттеджам, используемым в качестве второго жилья, авторы не дают количественных оценок, не располагая статистикой.

Т. Г. Нефедова подразделяет дачи по мере удаленности от города на пригородные (ближние), среднеудаленные и дальние, подспудно раскрывая их содержательные черты и различия. Как у жителя г. Улан-Удэ (столица Бурятии), города с населением более 400 тыс. человек, на территории которого расположены пара десятков садовых товариществ, возникших во второй половине XX века, у меня сразу возник вопрос: а есть ли место в этой типологии собственно городским дачам, расположенным в границах российских городов? Ведь как минимум с 1980-х годов садово-огороднические товарищества активно появляются во многих российских городах. Знакомство с текстом последующих глав подсказало, что этот сегмент авторы объединяют с сегментом ближних дач. По крайней мере, четкого разграничения я не обнаружил. В то же время эти сегменты могут серьезно различаться как по социальному и имущественному составу их хозяев, так и по функциональным характеристикам. Возможно, типология требует уточнения?

Тут же возникло еще одно замечание. Во Введении, в краткой характеристике содержания главы 3.2, говорится, что она посвящена «эволюции российских дач, разнообразию их типов от лачуг до вилл, от ближайших к городу до удаленных на сотни километров» (с. 16), однако в тексте речь идет в основном о дачах у Москвы и Санкт-Петербурга. Понятно, что два этих города — далеко не вся Россия. Вряд ли автор распространяет итоги своих исследований и личных наблюдений в дачных поселках центра и северо-запада Европейской России на всю страну, но регионального разнообразия главе явно не хватает, учитывая многоукладность российских городов в разных частях страны. Даже определяя, например, «среднеудаленные дачи», Нефедова отмечает, что они «находятся на расстоянии 250–300 км от Москвы» (с. 312). То же происходит с оставшимися двумя типами (ближними и дальними дачами). Но почему Москва становится «нулевым километром» в определении российских дач, не ясно.

Тезис о том, что «дальние дачи расположены в 300–700 км от города (Москва) и принадлежат чаще всего жителям крупнейших центров, прежде всего Москвы и С.-Петербурга» (с. 315), кажется удивительным. Неужели от Москвы до самой границы с Республикой Беларусь на запад и до уральских регионов на восток дачи принадлежат чаще всего жителям столицы и Санкт-Петербурга? А как же местные жители? Ведь здесь немало крупных городов — преимущественно областных центров. Если речь идет только о полноценных домах в сельских поселениях и «классических» дачах, то вопрос снимается, но так ли это в случае с садоводческими товариществами? Или они в этом случае не рассматриваются как дачи?

Мой личный интерес к процессам субурбанизации и пригородного роста в современной России заставил с особенным вниманием отнестись еще к одному тезису главы, данному в ее заключении. Н. Г. Нефедова отмечает: «…у нас дачная традиция так и не сменилась характерным для Запада переездом горожан в пригороды или удаленные районы на постоянное место жительства, т. е. процессами субурбанизации и дезурбанизации» (с. 317). Об этом говорится и в главе 3.4: «…несмотря на формирование коттеджных субурбий, наиболее важным и распространенным элементом в системе сезонного расселения по-прежнему остаются традиционные дачные и садово-огородные поселки» (с. 361). Что касается среднеудаленных и дальних дач, этот тезис кажется понятным и справедливым: вмешиваются транспортные проблемы, отсутствие инфраструктуры и пр. Но разве переезд жителей центральных областей крупных отечественных городов, той же Москвы и Санкт-Петербурга, в ближайшие пригороды (коттеджные поселки, таунхаусы — глава 3.4) не приобрел сегодня такого масштаба, чтобы говорить о процессах субурбанизации хотя бы применительно к ним более смело? Как недавно отметил К. В. Григоричев, изучающий пригороды Иркутска, «вопреки распространенному представлению о столичных мегаполисах как о едва ли не единственных зонах развития субурбанизации в России, процесс формирования новых пригородов довольно интенсивно протекает и на периферии, однако этот процесс остается „не

схваченным" статистическими описаниями и протекает вне поля зрения властных структур» (Григоричев, 2016: 17).

Рост частной малоэтажной жилой застройки на периферии крупных городов России усилиями самих горожан (коттеджные поселки, усадебное строительство, переобустройство городских и пригородных дач под круглогодичное проживание) в последние 10–15 лет приобретает все большие масштабы, порой несмотря на экономический кризис (при наличии существенных региональных различий). О расцвете у нас в стране «постсоциалистической пригородной революции» (Stanilov, Sykora, 2014), возможно, говорить рано, но ее ощутимые симптомы, по крайней мере в городах-миллионниках, по-моему, уже налицо.

От определений и типологий дач авторы переходят к источникам их изучения на общероссийском уровне (глава 3.3). Несмотря на то что глава названа «Методы изучения дач и результаты их применения», в ней речь идет именно об основных источниках и содержащихся в них данных, а не о методах. Ставшую уже привычной проблему отсутствия регулярной статистики авторы предлагают решать за счет периодических выборных опросов, проводимых российскими социологическими и статистическими службами, разовых массовых обследований (например, с/х перепись 2006 г.), а также космических снимков. Далее ими приводятся данные опросов ВЦИОМа и Росстата о доле россиян, имеющих дачи, и о том, каким образом эти дачи обустроены. Исходя из своего определения, авторы записывают в дачники владельцев «земельного участка» без построек и хозяев «жилья загородного типа, пригодного для проживания зимой», в то время как в анкете ВЦИОМа они отделяются от собственно «дачных домов, пригодных для сезонного проживания» (ВЦИОМ, 2014). В анкете ВЦИОМа эти собственники называются «владельцами загородной недвижимости», а не дачниками, что верно, ведь далеко не всех владельцев земельных участков и коттеджей можно назвать «дачниками». В первом случае они могут вообще не появляться на своем участке, а во втором — жить там круглый год, обладая еще и квартирой в городе (что противоречит определению «дачников», на которое опираются авторы, с. 283).

Анализируя данные сельскохозяйственной переписи России 2006 года, авторы отмечают, что в «середине 2000-х гг. в России в составе всех (некоммерческих дачно-садовых. — А. Б.) объединений преобладали садовые товарищества (92 %), которые превышали число огородных и дачных объединений более чем на порядок (соответственно, 7 и 1 %)» (с. 323). Повторимся, «классических» дач оказалось всего 1 %. Интересно, что «дачные объединения больше характерны для пригородов крупных городов. Более чем в половине регионов РФ они вообще отсутствуют» (с. 325). Данные с/х переписи и исследования Фонда общественного мнения позволяют авторам также рассмотреть функции современных дач (рекреационная, аграрная и пр.) и то, как они меняются в разных регионах.

В качестве дополнительного источника по оценке реального размещения дач разных типов авторы привлекают спутниковые снимки, дешифровка которых позволяет им уточнить данные сельскохозяйственной переписи, а также построить

карту размещения садовых товариществ и коттеджных поселков вне населенных пунктов в центре и на северо-западе Европейской России (см. также главы 3.4 и 3.5). Итоги работы выглядят впечатляюще, учитывая, какой кропотливый труд стоит за ней.

Космоснимки территорий — действительно значимый инструмент фиксации реального расселения населения и застройки территорий. Фактическая застройка, например, быстро растущих пригородов крупных российских городов часто опережает ежегодные данные по численности фактического населения в новых кварталах. Новые микрорайоны могут появляться здесь регулярно, а регистрируют недвижимость и самих себя жители этих территорий далеко не сразу. Космоснимки решают задачу оперативного понимания и оценки текущих изменений. А отдельные программы, например GoogleEarthPro, позволяют к тому же сравнить спутниковые изображения территорий разных лет, начиная в основном с 2006 года (используем шкалу времени). Это дает возможность оценить масштабы, направления, характер застройки и ряд других показателей.

Глава 3.6, как и глава 2.7 второй части книги, на время отрывает нас от Центральной России, где авторы проводили большую часть своих исследований, и обращает внимание на Юг и Восток России. Но поскольку она опирается лишь на результаты исследований авторов в Ставропольском крае и «беглые наблюдения» (с. 383) в Республике Бурятия, сразу возникает вопрос, зачем необходимо было экстраполировать выводы этих обследований на весь Юг и Восток России, на что указывает название главы — «Пригороды на Юге и Востоке страны: урбанизация или дезурбанизация?». По Востоку России, даже если под ним понимать только Восточную Сибирь и Дальний Восток, такое обобщение, очевидно, не следовало совершать. Улан-Удэ, Кызыл, Горноалтайск серьезно отличаются от Иркутска (Григоричев, 2013), Красноярска, Новосибирска, Владивостока и т. д. Специфичная система расселения, разница в региональных доходах, климате и пр. — все это делает многообразным поле городских и пригородных исследований на Востоке страны. Случай Улан-Удэ и Бурятии, который авторы рассматривают в главе, опираясь на материалы моей монографии (Бреславский, 2014), — далеко не показательный, на что я указывал в этой монографии и других публикациях (Бреславский, 2016). Уверен, авторы это хорошо понимают. Название же главы вводит читателя в заблуждение, как это бывало и ранее, когда авторы вроде как должны говорить о дачах России в целом, а говорят только о дачах в центре и на северо-западе Европейской России. Возможно, в случае со Ставропольским краем и Бурятией следовало бы ограничиться отдельными сравнительными отступлениями в рамках других глав, тем более что текст главы о «Пригородах на Юге и Востоке страны» составляет всего 10 страниц, из которых лишь первые 6 опираются на исследования самих авторов.

Итак, что же происходит с дачами в Ставропольском крае и Бурятии? Что касается Ставропольского края, то: «На окраинах Ставрополя, городов Кавминвод и вокруг них формируются своеобразные зоны тройного назначения, в которых

сочетаются процессы сезонной и всесезонной дезурбанизации жителей городов, урбанизации сельских жителей края и оседание внешних для края мигрантов» (с. 380). В Улан-Удэ же мы фиксируем преимущественно продолжающуюся урбанизацию за счет местных, республиканских сельских мигрантов, которые сформировали вокруг города своеобразную «деревенскую агломерацию», состоящую из сел и деревень, а также десятков новых малоэтажных, в основном деревянных ДНТ, в которых семьи живут круглогодично. Советские летние дачи, а также дачи, возникшие на территории города и сразу за его границами в 1990-е годы, активно переобустраиваются под круглогодичное проживание как самими горожанами, так и сельскими мигрантами, которые видят в этом доступную и привлекательную возможность иметь жилье вблизи городского рынка труда (см. более подробно: Бреславский, 2014). К сказанному авторами об Улан-Удэ я хотел бы добавить лишь одно уточнение. На стр. 381 они бегло указывают, что в Улан-Удэ пригородные «дома легко принять за дачи, хотя настораживает скудная зелень и хаотичная застройка при обилии изгородей, заборов, присущих здешним степным селениям. Разве что мало юрт, коими, говорят, изобилует пригород столицы соседней Монголии». Чтобы не вводить читателей в заблуждение, отмечу, что жители Улан-Удэ и его пригородов не живут в юртах вообще, единичные юрты и юртообразные деревянные здания используются для туристических целей: как киоски или в качестве придорожных кафе. Основное жилье в пригородах — одно-двухэтажные деревянные дома. А в столице соседней Монголии — Улан-Баторе юрточные кварталы и правда занимают сегодня более 60 % застроенной территории города (Breslavsky, 2016; Бреславский 2017).

Далее авторы вновь переходят к дальним дачам в европейской части России. На примере Костромской области ими показаны этапы и особенности дачного освоения российской глубинки жителями столичных городов. Отмечается, что «в периферийных районах остаются лишь „дальние дачи“, т. к. слабая инфраструктурная обеспеченность отталкивает потенциальных переселенцев. Здесь сильны сезонные колебания населения» (с. 402), и село благодаря дачниками «оживает» лишь летом.

В главе 3.8, продолжая рассматривать дальние дачи, авторы показывают и другие случаи, когда горожане полностью переезжают в сельскую местность. Среди них нередко бывают люди трудоспособного возраста и молодежь (с. 407). Правда, эти потоки сегодня незначительны, но они поддерживают жизнь в отдельных селах, местную экономику, уберегая эти территории от окончательного опустынивания. Обратную миграцию горожан недавно оценили другие российские исследователи, данные которых свидетельствуют о ее высоком потенциале. «Однако реализация этого потенциала зависит от того, какие ресурсы государство готово выделить на развитие сельских территорий. Проблема „обезлюдивания“ села имеет решение, но не в духе кампании по искусственному заселению села горожанами, а в рамках активной аграрной политики и кардинального изменения условий жизни в сельской местности» (Звягинцев, Неуважаева, 2015: 102). Эта проблема

хорошо понятна жителям восточных регионов нашей страны, где плотность населения и поселений существенно ниже, чем в Европейской России. Несколько по-другому обстоит дело с курортными дачами, которые попадают в фокус внимания авторов в заключительной главе книги. Благодаря тому, что они сдаются в аренду туристам более чем на 2–3 месяца в году, они играют важную роль в территориальном развитии поселении и поддержке мелкого бизнеса населения в туристско-рекреационной сфере.

Третья часть книги, посвященная дачам, несмотря на отдельные мои замечания, касающиеся в основном формы и подачи материала, а не содержания, решает много задач. Авторы раскрывают многообразие дачной жизни в европейской части России, показывают основные источники-города, генерирующие потребность в дачах, выделяют особенности отдельных типов дач, а также проясняют роль дач в развитии сельских территорий. За всем этим стоит длительная экспедиционная работа, работа со статистическими и социологическими источниками. Такой многосторонней, последовательной и содержательной работы по изучению дач в России, помимо авторов книги, не проводит никто. Думаю, многие читатели, в их числе и я, будут благодарны авторам за такой труд.

* * *

Знакомство с монографией завершено, и хочется отметить следующее. Содержательное построение и отчасти хрестоматийный характер книги обеспечивают комфортное погружение в достаточно обширную тему — пространственную мобильность населения, с фокусом на возвратные трудовые и дачные миграции. Для исследователей, которые лишь знакомятся с этим предметным полем либо занимаются изучением отдельных региональных проблем, издание станет замечательным источником для понимания общероссийских тенденций, предпосылок, векторов, масштабов, внутренних трудовых и дачных миграций. Со многими положениями книги можно было познакомиться и ранее, по основным публикациям ее авторов, и важно в связи с этим, что все они были объединены под одной обложкой.

Издание отличает внятное, самокритичное, честное отношение авторов к методике исследования. Известные проблемы с качеством официальных источников в области расселения населения, внутренних миграций не подавляют оптимизм исследовательского коллектива, который предлагает альтернативные методы изучения трудовых и дачных миграций на региональном и локальном уровне. Их использование с необходимыми оговорками позволяет им создать целые системы данных, которые вносят важные уточнения в наше понимание картины изучаемых явлений в современной России и в отдельных ее регионах. Очевидно трудоемкие расчеты позволили авторам создать целую серию геоинформационных систем в виде карт-схем, наглядно демонстрирующих региональные различия, каналы и зоны миграции, расселения и пр. Мы знаем и другие, в том числе коллективные, исследования в области внутренней миграции в современной России (их можно

пересчитать по пальцам), но только в этой работе данный компонент, по-моему, столь широко воплощен в жизнь. И неспроста — ведь в составе коллектива географы.

Читателю важно знать, что в книге, особенно во второй ее части (о трудовых миграциях), доминирует количественная макрооптика исследования (на уровне макрорегионов), хотя авторы и «разбавляют» ее локальными контекстами (опять же в основном количественными данными), что позволяет им внести отдельные уточнения в изучаемые ими процессы, разобраться в «природе» интересующих их явлений, но только в их количественном преломлении. За количественными данными, иллюстрирующими изменения в системах расселения, крайне редко и в незначительном по содержанию объеме проявляются личные, биографические истории, материалы интервью, наблюдений авторов за повседневной жизнью российских локальных сообществ и отдельных мигрантов, отходников, дачников. Всего этого ощутимо не хватало.

Думаю, авторам удалось создать панораму общероссийских процессов, когда они говорили о трудовых миграциях (помогли общероссийские данные и их проработка в ГИС-системах), хотя они практически и не привлекали исследования региональных авторов. Но вот в третьей части книги (о дачах) авторы все же ввели в заблуждение читателей, ожидающих увидеть общероссийскую картину этого вида пространственной мобильности населения. Речь же в основном шла о дачах в центре и на северо-западе Европейской России, в то время как Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный округа в общем-то остались без серьезного внимания. Работы в этом предметном поле, конечно, еще очень много. Особенно это касается региональных экспедиционных обследований, без которых бывает сложно уловить все многообразие интересующих нас процессов.

Получилось ли у авторов помочь нам понять, сколько же людей реально живут в разных местах страны в разные часы суток, дни недели, сезоны года, о чем они заявили в аннотации к книге? Думаю, да. Конечно, точных данных они не предоставили (это было бы в нынешних условиях научной фантастикой), но они сформировали пакет инструментов и общий подход к пониманию процессов расселения россиян с поправкой на трудовую и дачную мобильность. В этом и заключается, по-моему, основное значение данной книги.

Литература

Бреславский А. С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Бреславский А. С. (2016). Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. № 1. С. 79–102.

Бреславский А. С. (2017). Улан-Батор и «пригородная революция» // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 53–56.

ВЦИОМ (2014). Русская дача: милый дом без удобств, газа и подъездных путей. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114861 (дата доступа: 28.01.2017).

Григоричев К. В. (2013). В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.

Григоричев К. В. (2016). Многообразие пригорода: субурбанизация в Сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. № 2. С. 7–23.

Звягинцев В. И., Неуважаева М. А. (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Т. 24. № 1. С. 101–135.

Мкртчян Н. В. (2004). «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. № 4. С. 94–104.

Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.

Пациорковский В. В. (2010). Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН.

Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. (2015). Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Т. 24. № 1. С. 35–71.

Трейвиш А. И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 22–32.

Филиппов А. Ф. (2009). Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 3–15.

Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: Дело.

Breslavsky A. (2016). The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar: A Comparison of Post-socialist Cities // Inner Asia. Vol. 18. № 2. P. 196–222.

Simon D. (2008). Urban Environments: Issues on the Peri-urban Fringe // Annual Review of Environment and Resources. № 33. P. 167–185.

Stanilov K., Sykora L. (2014). The Challenge of Postsocialist Suburbanization // *Stanilov K., Sykora L.* (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 1–32.

Correction for Mobility: How Do Labor and Dacha's Migrations Influence the Settlement of Russians?

Anatoliy Breslavsky
Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Address: Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, Russian Federation 670047
E-mail: anabreso5@mail.ru

Those who study in-migrations of the populations in modern Russia know how difficult it is to give accurate assessments of the scale of these processes within regions, between regions, and within the country. It is possible to define the trends, directions, the participants of these migrations, the obstacles which the migrants face, and the resources which they use for successful relocation. As for the scale of this phenomenon, it is extremely difficult to give accurate estimates. We have discovered a book whose authors immediately notice that it helps to understand how many people in Russia actually live in different places at different times of the day, the days of the week, and the seasons. For researchers, this thesis sounds very intriguing. The monograph of six scientific fellows of the Institute of Geography RAS is dedicated to the spatial (geographic) mobility of the population. Two types of return mobility, labour migration and seasonal migration of Russians to dachas, as well as the settlement systems formed by them (the rural-urban continuum), are analyzed in detail. The authors examine the background, directions, and scales of these migrations in determining regional differences. The study concerns the entirety of Russia, though the authors pay particular attention to its central and north-western regions. The monograph summarizes the longstanding elaborations of the authors, and provides a comfortable immersion into a quite extensive interdisciplinary subject. The series of geo-information systems in the form of schematic maps clearly demonstrating regional differences, sources and zones of migration and settlement systems raise the level of excellence of the monograph among other individual and collective studies of sociologists and demographers in this subject field.

Keywords: spatial mobility, labor migration, dacha, seasonal work

References

Breslavsky A. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetskii period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-soviet Period], Ulan-Ude: BSC SB RAS.

Breslavsky A. (2016) Kakoj mozhet byt' rossijskaya suburbanizaciya [Possible Modes of Suburbanization in Russia]. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 79–102.

Breslavsky A. (2016) The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar: A Comparison of Post-socialist Cities. *Inner Asia*, vol. 18, no 2, pp. 196–222.

Breslavsky A. (2017) Ulan-Bator i "prigorodnaya revolyuciya" [Ulaanbaatar and the "Postsocialist Suburban Revolution"]. *Asia and Africa Today*, no 1, pp. 53–56.

Filippov A. (2009) Prikladnaja sociologija prostrastva [The Applied Sociology of Space]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 3–15.

Florinskaya Y., Mkrtchyan N., Maleva T., Kirillova M. *Migraciya i rynok truda* [Migration and the Labor Market], Moscow: Delo.

Grigorichev K. (2013) *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of Big City: The Social Space of Suburbs], Irkutsk: Ottisk.

Grigorichev K. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizaciya v sibirskom regione (sluchaj-Irkutska [Diversity of the Suburb: Suburbanization in Siberian Region (the Case of Irkutsk)]. *Urban Studies and Practices*, no 2, pp. 7–23.

Mkrtchyan N. (2004) "Zapadnyj drejf" vnutrirossijskoj migracii ["Westward drift" of Internal Migration in Russia]. *Otechestvennye zapiski*, no 4, pp. 94–104.

Nefedova T., Pokrovsky N., Treivish A. (2015) Urbanizaciya, dezurbanizaciya i sel'sko-gorodskie soobshchestva v usloviyah rosta gorizontal'noj mobil'nosti naseleniya [Urbanization, Desurbanization and Rural-Urban Communities in the Face of Growing Horizontal Mobility]. *Sociological Studies*, no 12, pp. 60–69.

Patsiorkovsky V. (2010) *Sel'sko-gorodskaya Rossiya* [Rural-Urban Russia], Moscow: ISESP RAS.

Plusnin J., Pozanenko A., Zhidkevich N. (2015) Othodnichestvo kak novyj faktor obshchestvennoj zhizni [Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 35–71.

Simon D. (2008) Urban Environments: Issues on the Peri-urban Fringe. *Annual Review of Environment and Resources*, no 33, pp. 167–185.

Stanilov K., Sykora L. (2014). The Challenge of Postsocialist Suburbanization. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* (eds. K. Stanilov, L. Sykora), Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 1–32.

Treyvish A. (2014) "Dachevedenie" kak nauka o vtorom dome na Zapade i v Rossii [Studies of Second Residence in the West and in Russia]. *Russian Academy of Sciences Bulletin, Geography Series*, no 4, pp. 22–32.

WCIOM (2014) Russkaya dacha: milyj dom bez udobstv, gaza i podezdnyh putej [Russian Dacha: Cute House without Amenities, Gas and Driveways]. Available at: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114861 (accessed: 28 January 2017).

Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. (2015) Pereselency iz goroda v selskuyu mestnost': fenomen obratnoj migracii v sovremennoj Rossii [Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of "Counter-urbanisation" in Modern Russia]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 101–135.